

Война как план и как повседневность

© 2011 г. Р.-Д. МЮЛЛЕР*

ОПЕРАЦИЯ «БАРБАРОССА» УЖЕ В 1939 году?

(Размышления о германских военных опциях)

Памятные мероприятия в связи с 70-летием начала Второй мировой войны проходили под знаком возобновленной дискуссии о значении пакта Гитлера–Сталина. Поскольку германской стороной однозначно признается ее вина в развязывании самой кровавой войны в мировой истории, в то время как совинновность Сталина российской стороной отрицается или же смягчается, то складывается впечатление, что российская историография, за исключением отдельных голосов, в большинстве своем занимает в этой дискуссии оборонительную позицию. Мнение о совинновности СССР в развязывании Второй мировой войны подкрепляется тем, что пакт Гитлера–Сталина привел к четвертому разделу Польши и советизации восточной Средней Европы. Некоторые историки даже полагают, что Сталин не только дал возможность Гитлеру напасть на Польшу 1 сентября 1939 г., но и преследовал собственные долгосрочные экспансионистские намерения, используя для этого в своих целях Гитлера, подталкивая его таким образом к конфронтации с западными державами¹.

Мои размышления основываются на тезисе о том, что до октября 1939 г. германский путь ко Второй мировой войне не исключал многих опций, к числу которых относилось и военное столкновение с Красной армией. Вопреки широко распространенному в историографии представлению война Германии против СССР была, на мой взгляд, мыслима и возможна уже в 1939 г. Для обоснования этого мнения я обращаюсь к новым, малоизвестным или забытым источникам, останавливаясь на исторических эпизодах и взаимосвязях, которые ставят под вопрос прочно установившуюся интерпретацию германской экспансионистской политики. Прежде всего, необходимо учитывать, что многое в германских военных планах, разрабатывавшихся в 1939 г., покрыто мраком неизвестности, поскольку документы, касающиеся преддверия Второй мировой войны, были утеряны, а некоторые важнейшие источники по истории военного планирования освещают события, начиная с более позднего времени, например, военный дневник Верховного командования вермахта с августа 1940 г., а дневник начальника Генерального штаба Сухопутных войск Ф. Гальдера с 14 августа 1939 г.²

Мы знаем, что только один человек в 1939 г. был решительно настроен на то, чтобы как можно скорее развязать войну в Европе. Именно Гитлеру не терпелось организовать военные кампании. Ему надоели вести переговоры и признавать компромиссы. Он хотел раздавать «удары». Порядок нанесения таких военных ударов был ему, в конечном счете, безразличен. Лишь для оценки рисков и шансов у него еще сохранялось определенное чутье. Но он не боялся, если потребуется, вести опасную тотальную войну на нескольких фронтах. И только ее генеральное направление вот уже в течение двух десятилетий было для него совершенно ясным: Россия! Нападение на СССР – а в этом он был твердо уверен и в 1939 г. – не представляло больших затруднений и сделало бы его Третий рейх на все времена неприступным. Операция «Барбаросса–1939», как предполагал Гитлер, привела бы к развалу Советского Союза и уничтожению Рос-

* Мюллер Рольф-Дитер, профессор, научный директор в Военно-историческом научно-исследовательском институте Бундесвера в Потсдаме (Wissenschaftlicher Direktor im Militärgeschichtliches Forschungsamt der Bundeswehr in Potsdam, MGFA), руководитель отдела исследований в области мировых войн.

сии. Позиция Сталина, напротив, имела для германского диктатора лишь тактическое внешнеполитическое значение, полезное разве что как блеф по отношению к западным державам. Однако советский диктатор, невзирая на другие аспекты своего господства, зарекомендовал себя как дальновидный государственный деятель, что в решающей мере способствовало спасению России, а вместе с ней и всего мира, от расово-идеологической мании уничтожения, присущей национал-социализму.

Необходимо подвергнуть проверке одну распространенную историографическую догму. Согласно общему мнению, Гитлер в 1939 г. был решительно настроен на поиски решения сначала на Западе, чтобы затем развернуть германскую военную машину в сторону Востока, против Советского Союза. Чтобы развязать себе руки для нанесения удара по западным державам, ему надо было выяснить отношения с Польшей. Упорное сопротивление Польши, ее нежелание стать частью германской коалиционной системы и одновременно пойти на территориальные уступки Рейху, уже с марта 1939 г. поставило эту страну в центр военных планов Гитлера, поскольку Варшава заручилась поддержкой западных держав. Именно так германский диктатор, уже подытоживая результаты, объяснял это в своей конфиденциальной речи перед командным составом вермахта 22 августа 1939 г., позже классифицированной Нюрнбергским трибуналом как ключевой документ. Но при анализе этого выступления необходимо учитывать, что Гитлер сформулировал свои аргументы таким образом, чтобы выглядеть в глазах других дальновидным и решительным политическим деятелем. И когда он, к удивлению военных, известил их о предстоящем заключении германо-советской сделки, то это было сделано лишь для того, чтобы преодолеть сомнения немецких генералов, которые не могли себе представить, что западные державы смогут допустить изолированную германскую кампанию против Польши. Именно беспокойство руководства вермахта по поводу войны против западных держав и возможной войны на 2 фронта заставило Гитлера сделать дипломатический ход, который удивил весь мир.

Пакт со своим смертельным врагом Сталиным предназначался, с точки зрения Гитлера, – и это непременно следует подчеркнуть – не для того, чтобы можно было развязать войну против западных держав, а во избежание войны, в частности, с Великобританией. В то время имелись хорошие военные, стратегические и экономические предпосылки для того, чтобы уклониться от такого противостояния. Несомненно, что 22 августа 1939 г. Гитлер все еще надеялся по взаимной договоренности с Великобританией получить от нее согласие на «развязывание рук на Востоке». Франция не играла какой-либо значительной роли в его соображениях, так как он исходил из того, что Париж будет плыть в фарватере Лондона. Под «Востоком», однако, всегда подразумевалась Россия, Польша отнюдь не являлась самостоятельной целью.

Пакт Гитлера–Пилсудского: возможное нападение на Советский Союз в мае 1939 г.

Напомню, что первоначально в идеологической программе Гитлера Польша не играла какой-либо существенной роли. Несмотря на то что ко Второй Польской Республике и предъявлялись ограниченные требования пересмотра границ и возврата принадлежавших некогда Германской империи областей, до середины 1930-х гг. польская армия все же представляла собой в глазах Гитлера самый крупный бастион против Советского Союза в Европе. Под ее прикрытием он после прихода к власти в 1933 г. мог чувствовать себя безопасно, вооружая Третий рейх под лозунгом антикоммунизма и пользуясь в обмен на это терпимым отношением со стороны западных держав. Несмотря на то что в определенных кругах национал-социалистического движения имелись сильные антипольские настроения, Гитлер в начале 1934 г. без труда изменил курс германской внешней политики, придав ему пропольский характер.

Двусторонний германо-польский пакт о ненападении создал основу для широкого сближения и разрядки в военной области. Прежнему рейхсверу вследствие предусмотренных в Версальском договоре кадровых и военно-технических рестрикций даже и

подумать нельзя было о том, чтобы тягаться с намного превосходившей его польской армией. В связи с этим в 1920-х гг. налаживались пути тесного и тайного сотрудничества с Красной армией. Отказ Гитлера от дальнейшего продолжения военно-технического сотрудничества с Москвой многие офицеры и дипломаты встретили с сожалением. Правота этой «фракции Рапалло» внутри германской господствующей элиты подтвердилась спустя 6 лет после решения, принятого Гитлером 22 августа 1939 г. Но в тот момент ее позиция никак не повлияла на германского диктатора, ибо пакт со Сталиным, заключенный 23 августа 1939 г., служил для него лишь обманным маневром.

В противоположность этому пакт с Польшей, заключенный в 1934 г., рассматривался, очевидно, вполне серьезно и был связан с широкими надеждами. В Варшаве заседало правительство, работавшее в духе идей и заветов маршала Ю. Пилсудского, которым, после его победы над Красной армией в 1920 г., восторгался и Гитлер³. Уважение, которое испытывали германские офицеры к Пилсудскому даже после его смерти в 1935 г., хорошо демонстрирует тот факт, что в сентябре 1939 г., после захвата немцами Кракова, к стоявшему там памятнику польскому маршалу был возложен венок и возле него выставлен почетный военный караул⁴. Антикоммунизм и антисемитизм создавали стабильную идеологическую основу для возможного партнерства, разумеется, при сохранении несовместимых территориальных амбиций по отношению к Балтийским государствам и Украине.

Пакт Гитлера–Пилсудского вызвал в мировой прессе спекулятивные догадки, что, дескать, на СССР давят с двух сторон и что он может распасться: в результате агрессивной японской политики на Дальнем Востоке и возможного германо-польского альянса на Западе. Подобного рода опасения возникали, по-видимому, и у советского руководства, похоже, не без причины. Антикоминтерновский пакт от 25 ноября 1936 г. мог стать для СССР смертельной угрозой. Поэтому Германия и Япония, первые страны, подписавшие пакт (Италия присоединилась к нему лишь в 1937 г.), вплоть до весны 1939 г. вновь и вновь оказывали давление на Польшу, рассчитывая, что она тоже присоединится к нему. Варшава не раскрывала карты, но и не отказывала так однозначно, чтобы в Берлине могли похоронить все надежды на коалицию. То, что сегодня польской историографией трактуется как политика равновесия сил по отношению к Гитлеру и Сталину⁵, можно рассматривать в двойном свете. При изучении немецких и малоизвестных японских источников⁶ создается впечатление, что Варшава вполне была предрасположена к идее антисоветской коалиции, хотя и не за счет территориальных уступок Германии и утраты возможности вести самостоятельную великодержавную политику в странах восточной Средней Европы.

А. Розенберг, главный идеолог нацистской партии и важный внешнеполитический советник Гитлера, в 1934 г. особо отметил сообщение одного итальянского публициста, у которого во время его пребывания в Варшаве сложилось впечатление, что там есть желание собрать «все окраинные народы от Финляндии до Турции» во главе с Пилсудским для крестового похода против СССР⁷. В этом Розенберг увидел подтверждение необходимости создания конкретной программы действий, которую он разработал для Гитлера и которая предполагала образование германо-польско-британского наступательного фронта. В том случае, если Советский Союз будет расшатан вследствие военного столкновения с Японией на Дальнем Востоке (напрашивается сравнение с 1905 г.), Польша должна была получить выход к Черному морю, Англия южно-русские нефтяные месторождения, а Германия – возможность повлиять на развитие в послереволюционной России⁸.

С момента окончания Первой мировой войны Польша и Япония были естественными союзниками. Обеим державам удалось разбить русскую армию. Япония была победоносной в 1905 г. и поддержала Польшу в 1919–1920 гг. Обе державы в 1920–1930-х гг. представляли собой крупнейшие и взаимодополняющие бастионы против СССР. После того, как Япония в 1931 г. захватила Маньчжурию, укрепив свои позиции на Дальнем Востоке и вызвав беспокойство Советского Союза, Пилсудский в свою очередь выиграл от предложения Москвы заключить пакт о ненападении, ко-

торый способствовал уменьшению военно-политической напряженности для Польши. Ведь вследствие мирового экономического кризиса Варшава не могла себе позволить высокие расходы на вооружение. В то же время пакт Гитлера–Пилсудского был, очевидно, понят японской стороной как шанс для создания альянса трех держав: Германии, Польши и Японии⁹. Визит императорского принца в Берлин и Варшаву в 1934 г. явился вехой, отметившей начало перманентного нажима, предпринятого Токио с целью создания такого наступательного фронта.

Польша, несмотря на возрастающее отставание в нарастающей гонке вооружений великих держав, по-прежнему представляла собой внушительную военную силу и по отношению к Красной армии, достигшей в 1935 г. пика своей боеспособности. Гитлер к этому времени рассматривал Россию как «огромную военную мощь». Уже поэтому он был заинтересован в долгосрочном германо-польском альянсе, проявив готовность предоставить Польше свободу действий на Востоке¹⁰. С этой целью в январе 1935 г. он отправил Г. Геринга для переговоров в Варшаву, чтобы тот прозондировал почву для замены существовавшего до того времени оборонительного альянса на наступательный пакт антисоветской направленности. Геринг предложил Пилсудскому главное командование германо-польской наступательной армией, а перед польским генералитетом начертал план раздела СССР, согласно которому Польше отводилось влияние на Украине, ставшей уже в 1920 г. целью польской интервенции, а Германии – в Прибалтике¹¹. И хотя польский маршал отверг это предложение, Гитлер в последующие годы не прекращал попыток перетянуть Варшаву на свою сторону планом германо-польской кампании против Советского Союза. Самым известным посредником в этом деле был Геринг, проводивший в мае 1935 г., феврале 1936 г., феврале 1937 г. и затем еще раз в 1938 г. переговоры с польской стороной¹².

С 1935 г., после подписания Англо-Германского морского соглашения, стало казаться, что старая идея Гитлера о достижении взаимопонимания с Англией, которую он всегда считал предпосылкой для похода на Восток, становится делом ближайшего будущего. Уже к тому времени отношения с Польшей улучшали общее военно-политическое положение Германии, так как снизилась опасность возникновения войны на 2 фронта. В случае войны против Франции крупные германские силы планировалось передислоцировать от восточной границы на Запад, с тем чтобы осуществить нападение на Чехословакию, даже если бы СССР выступил на ее стороне¹³. Судя по характеру военных игр вермахта, с 1935 г. предполагалось, что Красная армия при нейтралитете Польши может предпринять наступление через Румынию и Прибалтику, сдержать которое германской стороне удастся без всяких усилий. Следовательно, антисоветская позиция Польши в любом случае обеспечивала способность Гитлера действовать в западном и юго-восточном направлениях, которые рассматривались в качестве предварительной ступени запланированной экспансии на Восток.

Свои представления относительно «жизненного пространства на Востоке» Гитлер публично разъяснил осенью 1936 г. на одном из партийных мероприятий следующим образом: «Если бы Урал с его неизмеримыми полезными ископаемыми, Сибирь с ее богатыми лесами и Украина с ее необъятными посевными площадями находились в Германии, то она под национал-социалистическим руководством утопала бы в роскоши. Мы бы [много] производили, у каждого отдельного немца было бы более чем достаточно [средств] для жизни. Но в России население этих огромных областей умирает с голоду, потому что еврейско-большевистское руководство не в состоянии организовать производство и тем самым на деле помочь рабочему человеку»¹⁴. И. фон Риббентроп, германский посол в Лондоне в 1936–1938 гг., позже министр иностранных дел Германии будучи в Великобритании заявил, что владение Украиной и Белоруссией «является крайне необходимым для будущего существования Великой Германии с ее семьдесятю миллионами населения»¹⁵.

Расчет на возможное польское острие копья против Советского Союза еще более усилился после того, когда в результате сталинских «чисток» Красная армия ослабела. Военные эксперты, независимо от того, где они находились, в Варшаве, Токио, Берли-

не или в других западных странах, больше не считали ее величиной, которую следует принимать всерьез. Это умалило усилия советского правительства по поиску новых форм коллективной безопасности и одновременно вдохновляло его врагов на смелые спекулятивные рассуждения¹⁶. В Германии А. Розенберг, фанатичный пропагандист разгрома и колонизации России, начал укреплять свои контакты в частности с украинскими эмигрантскими организациями. От Гитлера он получил задание вести наблюдение за «центрифугальными» силами в России, с тем чтобы быть готовым, «если [бы] дела продвинулись достаточно далеко»¹⁷. В Главном управлении имперской безопасности под руководством Р. Гейдриха осуществлялась опека над различными националистическими сепаратистскими и эмигрантскими организациями, контакты с которыми поддерживала также японская сторона¹⁸. Основанный СС в 1936 г. «Институт Ванзее» заботился, например, о том, чтобы добыть соответствующие экономические данные, да и в имперском военном министерстве уже занимались изучением опыта формирования украинских националистических частей в период Первой мировой войны¹⁹. Имперский министр иностранных дел К. Ф. фон Нейрат заверил американского посла в том, что вражда Гитлера к СССР непреодолима, и что он лишь до тех пор будет сохранять спокойствие, пока не будут готовы западные укрепления²⁰.

Геринг, выступая перед высшими офицерами Люфтваффе, пояснил, что с Россией уже идет война. Только пока что нет выстрелов²¹. Г. Гиммлер дал понять, что главным противником в будущей войне является большевизм и что следует настраиваться на «истребительную войну» против «недочеловеческого противника»²². В феврале 1937 г. Гитлер отклонил предложения имперского министра экономики Я. Шахта о возобновлении и углублении выгодных торговых контактов с СССР. Этим Германия изолировала бы себя от западных держав. Но при этом считалось, что если в Советском Союзе случится переворот, совершенный прогермански настроенными офицерами, то не надо упускать момент, чтобы «вновь включиться в Россию»²³.

Характерно, что проект по созданию дальнего бомбардировщика для Люфтваффе на внутреннем жаргоне назывался «Уралбомбером» («Уральским бомбардировщиком»). Совместно с эстонской армией, с которой германские военные поддерживали очень хорошие отношения, были организованы тайные операции по подслушиванию, поставлявшие информацию о Ленинградском военном округе²⁴. Разумеется, деятельность спецслужб по сбору разведывательной информации о потенциальном противнике сама по себе еще не является доказательством каких-либо конкретных политических намерений. Но она создает предпосылки для этого. Вопрос о мероприятиях по подготовке возможной войны против СССР, по моему мнению, до сегодняшнего дня не подвергался основательным исследованиям, а немногие ставшие известными факты на эту тему в большинстве своем оказались забыты. Сегодня возможность столь ранней войны против СССР кажется нереальной, но была ли она нереальной в свое время?

В данном случае мы сталкиваемся с принципиальной проблемой. Вопрос, был ли вермахт готов и способен к тому, чтобы уже в 1930-х гг., т.е. задолго до 22 июня 1941 г., выдержать возможный военный конфликт с СССР, изначально считается абсурдным, поскольку наше представление о германо-советской войне ассоциируется прежде всего с реальным столкновением двух огромных военных блоков и гигантоманией плана «Барбаросса». Но перспективы и опции 1930-х гг. следует расценивать в других измерениях. К этому мы еще вернемся.

В первой тайной директиве по единой подготовке к войне вермахта от 23 июня 1937 г. Гитлер не утверждал какой-либо определенный план, а требовал от своей армии только постоянной готовности к войне, необходимой для того, «чтобы можно было использовать в военных целях эвентуально возникающую политически выгодную ситуацию». Такая ситуация могла возникнуть как на Востоке, так и на Западе. Поэтому все усилия были направлены на энергичное форсирование строительства Западного вала на границе с Францией, в то время как продолжению оборудования Мезерицко-го укрепленного района на границе с Польшей не уделялось достаточного внимания. Начиная с 1937 г., с колоссальными усилиями вермахт строил новые бункерные соору-

жения, которые могли удерживаться незначительными силами, с тем чтобы на других фронтах можно было идти в наступление. Но зарытые в землю инвестиции сказывались нехваткой в другом месте, при создании наступательных сил – противоречие, сопровождавшее германское военное руководство до самой смерти Гитлера в его берлинском бункере в апреле 1945 г.

Диктатор требовал от Генерального штаба не стратегического плана по образцу знаменитого плана Шлиффена 1905 г., а способности в кратчайший срок быть готовым к проведению отдельных ограниченных военных кампаний и акций. Это вполне соответствовало особым качествам и опыту германского Генерального штаба, которые показали себя на деле вплоть до разгара Второй мировой войны. Еще А. фон Шлиффен, начальник кайзеровского Генерального штаба, перед лицом опасности войны на 2 фронта ориентировался в своих планах на различные варианты²⁵. Замечу, что в отличие от кайзеровской империи до 1914 г., у Третьего рейха до конца 1939 г. не было никакого плана военной кампании против Франции или конкретного развертывания войск для нападения на СССР, что, однако, еще ничего не говорит о его намерениях и возможностях. Они должны быть установлены на основе анализа процессов принятия соответствующих решений и существовавших военно-политических опций.

Когда в 1937 г. Япония развернула свою экспансию на Дальнем Востоке, политическую поддержку ей оказала Варшава. Этот пример, очевидно, также вдохновил Гитлера на то, чтобы задуматься о первых насильственных шагах с целью улучшения своей стратегической позиции. Помимо аннексии Австрии надо было в первую очередь подумать об ударе по Чехословакии²⁶. Этот сильный, с военной точки зрения, сосед после заключения им пакта с СССР о взаимной помощи считался советским «авианосцем». Гитлер якобы сам разработал план подбросить Сталину сфабрикованные документы, с тем чтобы дискредитировать начальника Генерального штаба М.Н. Тухачевского и направить, таким образом, кампании советского диктатора «по чистке» против руководства Красной армии²⁷.

Контакты между Японией, Германией и Италией с целью заключения военного альянса, вновь усилившиеся летом 1938 г., сначала приняли для Гитлера успешный оборот. По его мнению, это могло бы стать идеальной предпосылкой для запланированной экспансии. Антисоветский блок, который отпугнул бы Англию и Францию, а Польшу принудил бы к сотрудничеству, можно было направить для удара против СССР²⁸. В конце июля на границе с Монголией произошли первые боевые столкновения между японцами и Красной армией, с военной точки зрения не более чем «инцидент», который, однако, вполне можно определить как испытание на дальневосточном направлении. Министр иностранных дел Риббентроп предложил польскому послу Ю. Липскому «общее решение» двусторонних спорных вопросов, что не казалось невозможным. Германские требования присоединить Данциг к Рейху и создать коридор в Восточную Пруссию были, в конце концов, также важной стратегической пробой для возможного германского выступления против Советского Союза. Это выступление с учетом геополитической обстановки могло быть осуществлено только в Восточной Пруссии и требовало надежной связи с Рейхом. После сделанных до этого времени намеков, от которых Польша постоянно уклонялась, наступил «этап принятия решений» (А. Хиллсгрубер).

Польша по-прежнему не раскрывала своих карт относительно вопроса о Данциге, игнорируя давление Германии, добивавшейся ее немедленного присоединения к Антикоминтерновскому пакту. Уступка в этом вопросе решительно сузила бы свободу действий для Польши и сделала бы ее «антирусским окопом» (граф Чиано)²⁹ с непредвиденными последствиями для будущего страны. Тем не менее Варшава была готова принять военное участие в разгроме Чехословакии на стороне Германии, чтобы осуществить свои старые территориальные требования по отношению к Праге. Это стало последним испытанием для польской армии. Мюнхенское соглашение предотвратило в итоге военное решение, которое уже в 1938 г. могло бы привести к столкновению с СССР.

Так как Польша после этой первой совместной акции опасалась более далеко идущих связей с Германией, то в роли посредника решили выступить японцы. Гитлер заверил посла Х. Осиму в том, что он готов продолжить дружеские отношения с Варшавой. В Токио, в отличие от западных держав, очевидно, исходили из того, что Гитлер отнюдь не удовлетворен и намерен предпринять дальнейшие агрессивные шаги, для которых подходила уже надломленная Чехословакия. По стратегическим соображениям территория Карпатской Украины, входившая в ее состав, получала большое значение, так как этот регион, заселенный преимущественно украинцами, являлся мостом, ведущим как к находившейся под польским господством Галиции (Западная Украина), так и к Советской Украине. Японские дипломаты в декабре 1938 г. настаивали на том, чтобы польское правительство достигло взаимопонимания с Берлином, объясняя это намерением Гитлера и Риббентропа нанести удар по Украине. С их точки зрения, если Польша и в дальнейшем будет отклонять германские предложения, то Гитлер, если потребуется, может использовать Карпатскую Украину после распада Чехословакии как партизанскую базу против Польши³⁰. Поверенный в делах Америки в Берлине Р.Г. Гайст позже вспоминал, что новый начальник германского Генерального штаба Ф. Гальдер в декабре 1938 г. подробно рассказывал ему о том, что решение по восточной программе Гитлера неизменно, и что она нацелена в основном на Украину, которая должна стать германской провинцией³¹. Действительно, военная разведка и контрразведка вермахта уже в 1937 г. начали устанавливать контакты с Организацией украинских националистов (ОУН). Сотрудничество между конкурирующими между собой фракциями было делом непростым, тем не менее уже с 1938 г. сравнительно большое количество украинцев прошли подготовку в Германии, чтобы в случае войны заниматься саботажем и деморализацией среди вражеских войск³². Украинцы не признавали польское господство над Галицией (в 1936 г. они убили польского министра иностранных дел), но их амбиции были направлены в первую очередь против советского господства на их родине. Таким образом, в вопросе о будущем Карпатской Украины пересеклись различные интересы. Для ОУН, поддерживаемой из Берлина, маленький регион мог стать исходной точкой борьбы за Великую Украину, в независимости которой, в конечном счете, не были заинтересованы ни Германия, ни Польша, так как у них были свои представления о «хлебной житнице Украины», и в этом плане они являлись потенциальными соперниками. Для возможного германо-польско-японского союза Карпатская Украина могла стать таким же пробным испытанием, как и сражение на о. Хасан в Монголии, произошедшее несколько недель назад.

После японского посредничества 5 января 1939 г. в Берлине состоялась беседа Гитлера с польским министром иностранных дел Ю. Беком. Германский диктатор держался миролюбиво, а Риббентроп пообещал Польше поддержку в «украинском вопросе». Это означало, что в случае распада Чехословакии Польша может надеяться на получение Карпатской Украины. Судя по записям Ю. Бека, Гитлер, заявив, что вместе с Польшей содружество по интересам представлено в полном сборе, раскрыл далее свое видение германо-польского сближения на антироссийской основе: «Для Германии Россия, будь то царская или большевистская, одинаково опасна. Большевистская Россия даже, пожалуй, опаснее из-за большевистской пропаганды. Царская Россия, напротив, была более опасной и более империалистической в военном плане. По этой причине сильная Польша для Германии является просто чистой необходимостью. Каждая польская дивизия, использованная против России, сэкономит немецкую дивизию»³³. Это доказывает, что возможность войны против СССР в 1939 г., конечно же, входила в расчет Гитлера, и что для него военный союз с Польшей, будь то наступательный или оборонительный, имел огромное значение для продолжения германского экспансионистского курса. С точки зрения Гитлера, требование к Польше отказаться от Данцига не было неприемлемой ценой, поскольку он сам был готов отказаться от Южного Тироля ради создания альянса с Италией. Южных тирольцев, перешедших в германское подданство, как мы знаем из его более поздних попыток, он собирался поселить в Крыму.

При ответном визите Риббентропа в Варшаву 25 января 1939 г. в разговоре с Беком речь шла о компенсационной сделке Данциг/Украина³⁴. Как сообщил японскому послу в Варшаве сам польский министр иностранных дел, в ходе беседы с Риббентропом он отметил, что достижение независимости Советской Украины не является невозможным делом, и с удовлетворением принял к сведению незаинтересованность Германии в Карпатской Украине³⁵. Но и после этого польская сторона ничего не хотела предпринимать, что побудило немецкое руководство оказать на нее дополнительное давление. 30 января 1939 г. Гитлер, выступая в рейхстаге, по-прежнему говорил примирительным тоном, заявив, что в условиях кризисов прошедшего года «дружба между Германией и Польшей стала одним из самых многообещающих моментов в политической жизни Европы». Но одновременно с этим он провозгласил, что намерен и далее бороться с Версальской системой. Косвенно это касалось и Польши, которая сразу же запросила помощи у Великобритании. В Японии отреагировали на это высшей степени озабоченно и посодействовали визиту итальянского министра иностранных дел Чиано в Варшаву, опасаясь, что открытый разворот Польши в сторону западных демократий поднял бы престиж СССР. Но все посреднические усилия обоих германских партнеров в Антикоминтерновском пакте оказались безуспешными.

В середине марта Гитлер разделил Чехословакию без участия в этом Польши. Вопреки прежним обещаниям, Карпатскую Украину он оставил венграм, подтолкнув их тем самым присоединиться к Антикоминтерновскому пакту. Это была прозрачная попытка оказать давление на Польшу через ее соседей, так как попадание Словакии и Венгрии в сферу германского влияния удлинит возможную польскую линию фронта. Одновременно это был сигнал Москве, означавший, что Гитлер может быть готов к тому, чтобы отказаться от украинской карты. Перед этим Сталин 10 марта 1939 г. публично заявил, что перед лицом внешнеполитических напряжений он не намерен ради других «загрывать жар своими руками» и не видит никакой опасности для Советской Украины. Это предоставило Гитлеру возможность осуществить дипломатическую игру, с помощью которой он смог изолировать Польшу и продолжать оказывать на нее давление. 21 марта Риббентроп повторил перед Липским германские требования. Это было истолковано польским послом как свидетельство того, что «немцы приняли решение о быстром воплощении в жизнь своей восточной программы», и поэтому хотели бы знать, «какую же позицию окончательно займет Польша»³⁶.

Что же конкретно понималось под германской «Восточной программой»? П. Клейст, секретарь германо-польского общества в Берлине и сотрудник Риббентропа, так объяснил это в интервью одному журналисту: «В ходе дальнейшей реализации германских планов война против Советского Союза остается последней и решающей задачей германской политики. Если раньше была надежда перетянуть Польшу на свою сторону как союзника в войне против Советского Союза, то сейчас в Берлине уверены в том, что Польша при ее теперешнем политическом состоянии и территориальном составе не может быть использована как помощница в борьбе против Советского Союза. Очевидно, Польшу вначале следует территориально разделить (отделение областей, ранее принадлежавших Германии, создание Западноукраинского государства под германским протекторатом) и политически организовать (назначение вождя польского государства, внушающих, с германской точки зрения, доверие), прежде чем представится возможность начать войну против России с помощью Польши и руками Польши»³⁷.

Повторение 1914 г.: возможное возвращение к плану Шлиффена в июле 1939 г.

Если бы польское руководство в марте 1939 г. заняло иную политическую позицию, на что определенно рассчитывал Гитлер³⁸, тогда у него появилась бы возможность уже в мае пойти на риск военного конфликта с СССР, о котором в течение 5 лет тайком велись переговоры и строились спекулятивные догадки. Для Гитлера не составило бы большого труда найти повод для развязывания конфликта. В то же время само наличие германо-польского военного альянса при нейтралитете западных держав

могло бы соблазнить и Сталина нанести превентивный удар. При повторном сражении под Варшавой польская армия, как в 1920 г., но отныне уже при германской поддержке, вполне могла устоять, тогда как вермахт посредством двух оперативных клещей, протянутых через Прибалтику и Карпатскую Украину, нанес бы Красной армии в западной части СССР полное поражение.

Опираясь на только что построенный Западный вал, вермахт на случай такой войны на Востоке располагал не менее 50 боеспособными дивизиями, а также большим количеством бронетанковых сил и авиации. Объединившись с почти одинаковым количеством польских дивизий, немцы достигли бы численного и качественного превосходства над силами Красной армии в западной части Советского Союза. В 1939 г. специалисты германского Генерального штаба оценивали ее боевую мощь, способную развернуться в короткий срок, не более как в 80–100 «хороших» дивизий³⁹. Военно-политическая напряженность на Дальнем Востоке едва ли бы сделала возможной для Советского Союза переброску дополнительных соединений Красной армии к западной границе.

Развертывание германо-польской армии в соответствии с метеорологическими условиями, скажем, к 1 мая 1939 г. неизбежно способствовало бы вовлечению в военный конфликт Балтийских государств и соответствующим договоренностям с Румынией и Финляндией. Посещение начальником Генерального штаба Сухопутных войск Гальдером финской и эстонской армий в июне, разумеется, не было случайным⁴⁰. Силами германских танковых соединений, сосредоточенных на Севере и Юге, могли быть атакованы подступы к Ленинграду и Минску. В то же время польская армия с ее полусотней дивизий могла образовать Группу армий «Центр», ставя своей задачей сковывание советского противника в лесистой и болотистой местности Белоруссии. В целом, если исходить из стратегических соображений, это были бы более выгодные исходные позиции, чем те, с которых вермахт начинал войну 22 июня 1941 г.

Какие же конкретные представления и планы относительно возможного военного столкновения с Красной армией были у руководства вермахта в 1938–1939 гг.? Как уже упоминалось, сохранились только отрывочные документы о деятельности руководства германских Сухопутных войск. Вместе с тем дошедшие до нас сведения о стратегических маневрах Военно-морских сил того времени дают, по меньшей мере в определенных эпизодах, ценную информацию. Решающее значение в этом плане, наверное, имеет первая ознакомительная поездка Генерального штаба Сухопутных сил, организованная его начальником в начале мая 1939 г. Упоминание о ней представлено только в записи офицера связи Люфтваффе и пока что в литературе не анализировалось⁴¹. Германское военно-морское руководство уже с 1935 г. в своих ежегодных учениях отрабатывало на высшем уровне и возможное вмешательство России. Для предотвращения прорыва превосходящего советского флота из горловины Финского залива и выхода его в западную часть Балтийского моря главное, по мнению германской стороны, состояло в том, чтобы как можно дальше в восточной части моря установить и контролировать минные заграждения. Осуществить это на просторах восточной части Балтийского моря и у побережья нейтральных государств было бы задачей не из легких. Во время военного маневра в марте 1938 г. дополнительно исходили из того, что в случае войны на 2 фронта Россия перейдет в наступление и через Балтийские государства (при польском нейтралитете) двинется к германской границе. В военно-морском стратегическом отношении это привело бы к возникновению драматической ситуации. С точки зрения германских Сухопутных войск, ситуация выглядела более выгодно. Было рассчитано, что Красной армии для ее наступательного продвижения придется преодолеть 200 км, чтобы затем через 3 недели в количестве примерно 20 дивизий достичь сильно укрепленной границы Восточной Пруссии. Но так как, к тому же, предполагалось, что Балтийские государства со своей стороны смогут мобилизовать около 20 дивизий, представляющих определенную силу по меньшей мере в обороне, то в этом случае наступательное продвижение русских соответственно замедлится⁴².

При подведении итогов военного маневра главнокомандующий германским ВМФ адмирал Э. Редер по военно-морским стратегическим соображениям пришел к заключению, что внезапное наступательное решение своими силами было бы выгоднее⁴³. Напомню, что за 5 месяцев до этого адмирал принимал участие в знаменитом совещании Хоссбаха, где Гитлер возвестил о своем намерении, если понадобится, в выгодный момент предпринять военное наступление. И все же в марте 1938 г. в командовании ВМФ придерживались иного мнения. Начальник штаба руководства войной на море адмирал Г. Гузе высказался по этому поводу так: «Ни Россия, ни Германия не готовы к тому, чтобы вести друг против друга операции решающего масштаба. Германские операции вглубь России затеряются на ее просторах, русские операции в направлении Германии (а русские, на мой взгляд, не способны сейчас вести их) захлебнутся, столкнувшись с оборонительной мощью Германии»⁴⁴.

Несмотря на то что германскому военно-морскому командованию надлежало видеть своего главного противника в лице Великобритании, командование немецким флотом на Балтике занималось разработкой иного сценария. Замысел проведенной им в 1938 г. оперативной военной игры предполагал оборону на Западе (по возможности, при сохранении нейтралитета Великобританией) и нападение на Востоке. На этом направлении ставилась задача добиться благожелательного нейтралитета Швеции и Польши, а Финляндию и Эстонию зачислить в ряды германских союзников. Операции Сухопутных войск должны были быть нацелены на оккупацию Латвии и, совместно с Эстонией, на удержание Ревеля. Люфтваффе полагалось нанести удары по Кронштадту и подавить советскую авиацию. Общая цель формулировалась так: «Оборона на Западе, наступление на Востоке для овладения регионом Балтийского моря, и тем самым для решения вопросов, являющихся действительно жизненно необходимыми и решающими для существования нашего Рейха, а именно нехватки пространства, урегулирования нашего отношения с Польшей и ликвидации мировой опасности большевизма»⁴⁵. Итак, Кронштадт вполне мог бы стать Перл-Харбором уже в 1938–1939 гг.

Это была опция, которая уже в апреле 1939 г. как «план-исследование» достигла более высокой ступени практических военных приготовлений. «Морское командование на Балтике» разработало очень конкретный и детальный план подготовки борьбы за Балтийское море, отдав приказ о его практической реализации. Международно-правовые проблемы, которые возникли бы вследствие стратегического нападения, оценивались как незначительные. Считалось, что политические предпосылки для нанесения удара против СССР могут неожиданно измениться⁴⁶.

Руководство Сухопутных войск придерживалось весной 1939 г. такой же линии. Генеральный штаб 30 января 1939 г., в день, когда Гитлер в последний раз с угрожающими нотками в голосе пытался добиться расположения Польши, спустил в войска обязательную директиву по организации наступления «Ост». Генерал фон Браухич отдал распоряжение, согласно которому при слове-пароле «Ост» надлежало укрепить границу с Польшей, не поддаваться на провокации, но быть готовыми к быстрому взятию Данцига и Мемеля. Если же эта операция приведет к военному конфликту с Литвой и Россией, то германские войска должны осуществить внезапное наступление вглубь Литвы и разбить литовскую армию, прежде чем та успеет сосредоточиться⁴⁷. Относительно дальнейшего ведения боевых действий против ожидаемого подхода Красной армии распоряжений пока не было. Если же Польша присоединится к германской стороне или же останется по меньшей мере нейтральной, то в этом случае можно будет начинать заранее подготовленное нападение на Ленинград и наступление с целью оказания поддержки Финляндии.

Но вместо этого трения между Германией и Польшей становились все сильнее. 23 марта вермахт внезапно занял район Мемеля, с чем Литва, однако, смирилась без всякого сопротивления. Следующей германской целью, судя по всему, был Данциг, который имел решающее значение для прикрытия Восточной Пруссии и возможного стратегического нападения на Прибалтику. С целью предотвращения занятия Данцига немцами в Польше в апреле была проведена частичная мобилизация, которую Гитлер

использовал как повод, чтобы дать 3 апреля первые указания относительно возможного нападения на Польшу. 28 апреля им был расторгнут германо-польский пакт о ненападении. Однако Варшава, полагаясь на поддержку западных держав, не отступила ни на шаг. Это был тот момент, когда Гитлер, предположительно, принял решение изолировать Польшу по примеру Чехословакии и нейтрализовать ее как стратегический фактор. 22 мая он заключил с Италией «Стальной пакт», будучи уверенным в том, что тем самым самым он заполучил Японию и Италию на свою сторону в качестве противовеса западным державам. Спустя сутки Гитлер объявил руководству вермахта о своем решении «при первом удобном случае» нанести удар по Польше, пояснив при этом, что Данциг сам по себе не является значимым объектом, а речь идет о расширении жизненного пространства на Востоке и обеспечении Германии продовольствием в военное время⁴⁸.

Дословное воспроизведение его высказываний вызывает такие же сомнения, как и фраза о «жизненном пространстве на Востоке». Но одно ясно, он не хотел развязывать мировую войну против западных держав, а надеялся на их нейтралитет, в противном случае намеревался ограничиться только короткими ударами, чтобы предотвратить вмешательство Англии на континенте. Но и это Гитлер, по возможности, стремился предотвратить, и поэтому развязал дипломатическую войну нервов, предназначавшуюся для того, чтобы заставить Лондон уговорить Варшаву пойти на уступки. Таким образом, путь к войне был чем угодно, но только не дорогой с односторонним движением, и оставлял в стратегии Гитлера открытой опцию немедленного ведения важнейшей войны при наличии благоприятных обстоятельств.

За фразами «жизненное пространство на Востоке» и «обеспечение продовольствием в военное время» стояла не только Польша⁴⁹, поскольку ее оккупации, как и в Первую мировую войну, было бы недостаточно для обеспечения немцев продовольствием. Третий рейх, несмотря на все инвестиции, был и в 1939 г. не готов к тому, чтобы выдержать блокаду, и нуждался в случае войны в «хлебной житнице Украине», рудах Донецкого бассейна и нефти Кавказа⁵⁰. С экономической точки зрения, этого можно было достичь и за счет возрождения торговли с СССР. Немецкие дипломаты уже лихорадочно работали над таким вариантом. Удержать Сталина опциями Раппальского договора от сближения с западными державами, а может, даже сделать советского диктатора соучастником при разделе польской добычи, — эта цель должна была увлечь Гитлера, но, в конечном счете, ее достижение служило для него не более чем гигантским ложным маневром.

Когда в середине мая 1939 г. японцы вновь напали в Монголии на Красную армию, способствуя эскалации конфликта, его искра не перебросилась в Европу. Переговоры западных держав с целью заключения антигерманского военного союза с Москвой проходили вяло. При этом речь следует вести о ложном маневре уже другой стороны, так как ни Париж, ни Лондон не были готовы к тому, чтобы связать себя обширными военными обязательствами, да и не проявляли серьезного желания к этому. Они были заинтересованы в том, чтобы отвести от себя первый удар мощной немецкой военной машины, и как это уже было во время Первой мировой войны, создать дополнительные фронты на Востоке или на Юго-Востоке Европы.

Таким образом, в июле 1939 г. существовало несколько стратегических возможностей: 1. Польша не выдерживает давления и сотрудничает с Гитлером. В этом случае план «Барбаросса 1939 г.» был бы вполне возможен, либо как совместный германо-польский проект (о котором с 1935 г. уже шли переговоры с Варшавой), или при благожелательном польском нейтралитете — в виде стратегического нападения на Прибалтику и удара по Украине.

2. Польша отказывается от выдвинутого ранее требования, согласно которому в случае войны с Германией части Красной армии не имеют права вступать на польскую территорию. Тем самым открывается путь для заключения четырехстороннего военного пакта (Польша, СССР, Франция, Великобритания). Но и в этом случае Гитлер явно бы не отказался от своих коренных экспансионистских целей. Чтобы вырваться из окружения и добиться быстрого решения, он должен был обратить свои усилия

на Восток. Это означало бы после поражения польской армии продолжение борьбы против СССР, при предположительной пассивности вражеских держав на Западном фронте. Гальдер уже проигрывал этот вариант в мае во время ознакомительной поездки Генерального штаба (вмешательство западных держав, Литва и СССР на польской стороне)⁵¹. В центре этого плана стояла задача уничтожить польскую армию путем ее быстрого двойного охвата западнее Вислы, чтобы занять выгодные «исходные позиции» (!) для проведения операций восточнее Вислы, где по истечении 12 суток ожидалось появление моторизованных советских войск. Поэтому наступающая из Восточной Пруссии группа армий должна была прорваться восточнее Варшавы и занять район Бреста–Белостока. Одновременно южная группа армий наносила бы удар по Лембергу (Львову). Перед Люфтваффе ставилась, в числе прочего, задача атаковать железнодорожные эшелоны в восточной Польше. Борьба против польской и русской авиации, а также разгром приближающихся моторизованных соединений Красной армии считались «решающими для исхода войны», по меньшей мере решающими для сражения против польской армии западнее Вислы.

В случае войны на 2 фронта за счет вступления в бой западных держав поляки при советской поддержке в сдерживающем бою могли бы воспользоваться территориальными просторами страны, чтобы выиграть время до тех пор, пока давление западных держав не облегчит ситуацию. Поэтому для вермахта главная задача заключалась бы в том, чтобы вовлечь главные силы противника в решающее сражение и в кратчайшее время нейтрализовать их сокрушительным ударом. Результатом военной игры Гальдера в июне 1939 г. стала актуализация директив по подготовке различных военных возможностей. Учение показало, что внезапное вторжение массированных мобильных сил с всеобъемлющими оперативными целями еще недостаточно успешно отработано. Поэтому большое внимание уделялось мобилизации, учебе и подготовке войск. Крупномасштабные «маршевые и боевые маневры» моторизованных войск должны были состояться в сентябре 1939 г.⁵² Таким образом, в условиях секретности подготовка к войне шла полным ходом.

По традиции прусского Генерального штаба, начиная со второй половины XIX в., большое значение придавалось подготовке развертывания войск и директив для проведения первой операции, что, как считалось, имело решающее влияние на исход войны. Поэтому разработкой графиков движения железнодорожного транспорта и вопросами перевозки войск занимались с научной скрупулезностью. Оперативное планирование предполагало быстрый успех и в своих основных чертах существенных изменений не претерпело. Сохранившиеся документы 1938–1939 гг. свидетельствуют о последовательном применении определенной модели с соответствующим внесением в нее результатов приобретенного опыта. Так, например, на основании плана по развертыванию войск в 1938 г. против Австрии (план «Отто») и Чехословакии последовательно осуществлялось планирование на 1939 г. Оно началось в феврале 1939 г. с издания директив по проведению операции с целью захвата «остатков Чехии». Группы армий Сухопутных войск должны были «внезапно» вторгнуться в Чехию, своевременно занять столицу, отрезать коммуникации к другим регионам страны и воспрепятствовать вражескому сопротивлению⁵³. Но так как пражское правительство в марте сдалось немцам без всякого сопротивления, военное планирование на этом направлении было приостановлено и в мае обращено против Польши.

В соответствии с установками Гитлера после военной игры, состоявшейся в мае, почти нет никаких указаний на возможное расширение войны против Польши. Однако вовлечение сил вермахта в боевые действия против Красной армии по-прежнему допускалось немецким военным планированием как возможность. Это проявилось при разработке «Плана военной разведки». В нем можно найти подробные указания относительно рапортов фронтовых частей о противнике. Конечно же, в центре внимания находилась польская армия, но, само собой разумеется, что, в случае войны надлежало также собирать сведения о появлении советских войск в Польше (в особенности парашютно-десантных соединений), а также об их вооружении, структуре, и, в частности,

о приграничных железнодорожных станциях, на которых следовало бы осуществлять перевалку грузов по причине различной ширины колеи⁵⁴ – важные цели для тактической воздушной войны! Не в последнюю очередь интересовались и тем, как отразилась бы коммунистическая пропаганда на польском театре войны после нападения СССР. Указание по разворачиванию войск в плане «Вайс» от 19 июня 1939 г.⁵⁵ предусматривало уничтожение польской армии внезапным ударом вермахта западнее Вислы. Но что было бы потом, оставалось открытым. На огромном польском пространстве восточнее Вислы могли сосредоточиться остатки врага и продолжить борьбу, может, даже при поддержке Красной армии. В таком случае стала бы необходимой вторая операция, вначале либо из обороны на линии Вислы (может быть, по примеру 1920 г.), либо, с ходу и в порядке преследования остатков польской армии.

В 1997 г. историки К. Хартманн и С. Случ опубликовали секретную речь Гальдера, датированную июнем 1939 г., из которой очевидно следует, что военная кампания Германии против СССР вполне могла быть в то время реальной возможностью. При этом сами публикаторы сослались на то, что на сегодня не обнаружено никаких других документов 1939 г., в которых существовал бы даже намек на последующее использование против СССР сил, предназначавшихся для военной кампании против Польши. Представленный ими документ из Московского спецархива, действительно, с некоторой уверенностью можно рассматривать как фальшивку⁵⁶. Если же речь Гальдера в том виде, в каком она дошла до нас из спецархива Москвы и Государственного архива (Public Record Office) в Лондоне, достоверна, то она подтверждает доказываемый мною в этой статье основной тезис. По словам Гальдера, после падения Польши «в распоряжении [Германии] будет победоносная армия, исполненная духом выигранных крупных сражений, готовая либо выступить против большевизма, либо, пользуясь преимуществами внутренней линии, быть переброшенной на Запад, чтобы быстро, но основательно достичь там решения»⁵⁷. Если речь Гальдера представляет собой фальшивку британских специалистов, то в ней по меньшей мере реалистически отражен современный уровень ожиданий в отношении способностей и намерений германской армии.

3. Усилия западных держав на практике выиграть время, не обременяя себя при этом сковывающими обязательствами по отношению к Сталину, были на руку Гитлеру. Это оставляло для него открытыми все опции и поощряло надежду изолировать и разгромить в военном отношении Польшу, не развязывая внушавшей генералам вермахта страх мировой войны на нескольких фронтах. Это идеальное решение после короткого сражения с польской армией привело бы вермахт до самых подступов к Минску и далее в глубь Украины, что при вовлечении в войну Балтийских государств стало бы основой для глубоко проникающего удара по СССР. А. Розенберг, наставник Гитлера в вопросах восточной экспансии, сожалел 22 августа 1939 г. о предстоящем заключении пакта со Сталиным. Он считал возможным иное решение, а именно: за счет решительного отказа от бывших германских колоний заручиться поддержкой Великобритании, чтобы она, согласно плану 1934 г., не препятствовала экспансии Германии на Восток⁵⁸.

Для командования группой военно-морских сил «Ост» главным фактором во всех военных приготовлениях, во всяком случае, до августа 1939 г., было возможное столкновение с советским флотом, а не борьба с Польшей. Поэтому командующий адмирал К. Альбрехт с большим облегчением отреагировал на сообщение Гитлера от 22 августа 1939 г. о заключении пакта со Сталиным⁵⁹. В Верховном командовании ВМФ, однако, твердо придерживались стремления сделать Балтийское море «*mare nostrum*» («нашим морем»). Еще до того, как Гитлер годом позже дал указание о разработке планов операции против России, начальник оперативного отдела штаба руководства войной на море К. Фрикке повторил предложения 1938–1939 гг.⁶⁰ Они сводились к следующему. Чтобы уничтожить «опасность большевизма» и поставить снабжение Германии важным русским сырьем на лучшую основу, вермахт должен использовать свои силы, которые высвободятся после победы над Францией. Тогда захват территории до линии Ладога–Смоленск–Крым станет возможным без всяких затруднений. После занятия

Балтийских государств и Ленинграда русский флот лишится своих баз и развалится. Внезапное нападение позволит ограничить свободу передвижения советского флота и уничтожить тяжелые надводные корабли на морских базах. Как видим, представления Альбрехта не отличались оригинальностью, а опирались на давно уже подготовленные наступательные планы.

Возможная германская восточная кампания в сентябре 1939 г.

Говорит ли готовность Гитлера достичь со Сталиным взаимопонимания по разделу Восточной Европы в самом деле о том, что в 1939 г. он не преследовал агрессивных намерений по отношению к Советскому Союзу и после победы над польской армией непременно хотел напасть на западные державы? В речи перед главнокомандующими 22 августа 1939 г. Гитлер в первую очередь стремился убедить генералов, что, заключив пакт со Сталиным, ему удастся избежать опасности войны на 2 фронта. Он делал ставку на шоковое воздействие этого пакта на западные державы и Польшу, с тем чтобы достичь ее поражения в отдельной, изолированной войне. Аутентичность имеющейся в нашем распоряжении записи этой речи также является крайне проблематичной⁶¹, а высказывания Гитлера о России противоречивыми. С одной стороны, он полагался на заинтересованность Сталина в долгосрочном сотрудничестве и на поставки советского сырья, с другой, – предполагал, что Сталин не рискнет развязать войну против Германии, потому что это приведет к распаду СССР. Он намерен был поступить с Россией, как с Польшей. «После смерти Сталина – это тяжелобольной человек – мы разобьем Советский Союз. После этого забрезжит заря германского господства на всем земном шаре»⁶². Сталин, как известно, пережил Гитлера на 8 лет.

Даже когда неделю спустя он напал на Польшу, все еще сохранялось несколько возможностей. Путь к войне не был дорогой с односторонним движением! Вплоть до 3 сентября Гитлер был уверен в том, что западные державы откажутся от своей угрозы вступить в войну, и даже позднее он надеялся, что на Западе не будет никаких серьезных военных действий. И если польская армия после короткого сопротивления капитулирует, то Гитлер мог бы оккупировать всю польскую территорию, разумеется, при соблюдении нейтралитета западными державами, и тем самым захватить выгодный плацдарм для развертывания сил против СССР. При определенных обстоятельствах он мог бы даже договориться с новым польским правительством о сотрудничестве, как это стало возможно спустя 9 месяцев с правительством А.Ф. Петена в побежденной Франции. Нельзя было с самого начала исключать и того, что Париж и Лондон в ответ на вторжение Красной армии в Восточную Польшу 17 сентября объявят Сталину войну. Тогда у Гитлера был бы шанс (здесь он был достаточно бесцеремонным) осуществить политический поворот и при поддержке на Западе напасть на вторгнувшуюся в Восточную Польшу Красную армию, чтобы затем чествовать самого себя как мнимого спасителя Западной Европы от большевизма.

Точные военные и территориальные договоренности с Москвой с целью выяснения окончательной германо-советской демаркационной линии после 17 сентября были непростыми и лишь спустя 10 дней вылились в секретный протокол. При этом германская сторона вынуждена была пойти на некоторые очень неприятные уступки, принудившие вермахт отступить из уже завоеванных польских областей. Это касалось прежде всего быстрого продвижения в Восточную Галицию, 21 сентября приведшего к захвату Стрыи и днем позже Лемберга. Это дало бы возможность вызвать подготовленное восстание украинских националистов и провозгласить создание независимой Украины. В своей «Директиве № 4 по ведению войны» от 25 сентября Гитлер объявил: «Решение о *стратегическом продолжении войны* будет принято в кратчайшее время. До того никакие мероприятия частей вермахта, как в области организации, так и в области вооружения, не должны идти вразрез ни с одним из возможных решений. В любое время должна оставаться возможность наступательного ведения войны на Западе. Держать в готовности достаточно сил в Восточной Пруссии с целью быстрого овладе-

ния Литвой, также в случае вооруженного сопротивления»⁶³. К «возможным решениям», как отчетливо видно на этом примере, относилось также продолжение наступления на Востоке.

Но так как западные державы проигнорировали вмешательство СССР, сосредоточив свое внимание на войне против Германии, Гитлеру оставалось лишь как можно скорее закончить осаду Варшавы, чтобы вывести свои оперативные силы с Востока и разрешить разногласия на Западе. Он заплатил за это высокую цену. Уход из Лемберга и южного Буга к Висле был равен стратегическому поражению.

Четыре заключительных тезиса

1. Сопротивление Польши принудило Гитлера к более тесному сотрудничеству с СССР, чем первоначально планировалось. На Востоке он смог использовать лишь половину своих войск, и нуждался в них как можно скорее на Западном фронте, тем более что Италия и Япония отказали ему в своей поддержке. Поэтому он вынужден был буквально давить на Сталина своими просьбами поддержать его за счет вмешательства Красной армии. Это стало началом нарастающих зависимостей, которые все больше и больше суживали стратегическую свободу действий Гитлера в ходе первого года войны.

2. Завоевание и оккупация Восточной Польши обеспечили Красной армии важное предполье, из которого она могла извлечь более значительные стратегические преимущества, чем вермахт. Отвоевание немцами этой территории в июне–июле 1941 г. стоило больших усилий и времени, что, может быть, даже и повлияло на исход операции «Барбаросса». Завоевание Прибалтики потребовало от вермахта в 1941 г. нескольких недель тяжелых боев, и в итоге оказалось, что сил группы армий «Север» недостаточно для овладения Ленинградом. Несмотря на то, что 300 километров, преодоленных танковой группой Г. Гудериана от Брест-Литовска до Минска, принесли ей в течение 2 недель грандиозную победу над двумя советскими армиями, это расстояние соответствовало протяженности пути от западной границы Германской империи до Английского канала. Тем самым выявился предел германской способности к безостановочному ведению крупномасштабных молниеносных операций. Отныне путь по направлению к Москве становился все тяжелее и утомительнее. В итоге сил не хватило и здесь. Также и группа армий «Юг» израсходовала в 1941 г. при завоевании Галиции ту силу, которой ей не хватило потом, в ноябре, чтобы из Таганрога добраться до своей главной цели – нефтяных месторождений Кавказа. Таким образом, в сентябре 1939 г. Красная армия одержала свою первую победу во Второй мировой войне, потеряв всего лишь 700 человек и заняв территорию, завоевание которой в 1941 г. стоило вермахту 200 тыс. человеческих жизней!

3. Когда в своей речи перед военным руководством 22 августа 1939 г. Гитлер говорил о «впереди лежащих нейтрализованных государствах, возможно, польском протекторате» как военной цели, он также вполне мог бы назвать Украину. Это напоминало германские представления во время Первой мировой войны и отражало сомнения национал-консервативного руководства Сухопутных войск относительно вероятного расширения войны. Польское государство-сателлит, организованное в известном смысле по образцу Словакии, не исключало еще возможности компромисса с западными державами. А может быть, продиктованные ему умеренные условия капитуляции сделали бы его даже союзником в борьбе против СССР, так же, как и независимую Украину. Представления такого рода ничуть не были за пределами реальности, они сопровождали германо-польское сближение с 1934 г. Не исключено, что в случае массированного удара западных держав в октябре 1939 г., военная оппозиция в Германии устроила бы путч и явно попыталась бы использовать эту опцию. Воспринял ли бы это Сталин как возможность, неизвестно. И, наконец, нельзя забывать о том, что успех покушения Г. Эльзера на Гитлера 8 ноября 1938 г. в Мюнхене мог бы стать причиной похожего антисоветского поворота. Сталин с самого начала не проявил никакого интереса к

«вперед лежачим нейтральным государствам» и в секретном Дополнительном протоколе к Германско-советскому договору о дружбе от 28 сентября 1939 г. определил четкую границу интересов. В связи с тем, что западные державы поддерживали польское эмигрантское правительство и тем самым продолжение борьбы против агрессора, Гитлер в своей так называемой мирной речи от 6 октября в последний раз высказал идею центрального польского государства.

4. Только 7 октября 1939 г. Гитлер отдал распоряжение вермахту быть готовым к наступлению на Западе с целью опередить нападение западных держав. Показательно, что командование Сухопутных войск в отличие от 1914 г. не располагало никаким оперативным планом и очень нерешительно приспосабливалось к новой обстановке. Оно сомневалось в возможности прорыва линии Мажино и предупреждало о политических последствиях прохождения войск через Голландию и Бельгию. Считалось, что если не удастся достичь быстрого успеха, то Германию через 18 месяцев ожидает экономический коллапс. В рядах «антивоенной группировки» национал-консервативной оппозиции, а также генералитета было еще много сторонников мирного решения, в результате которого Германии удалось бы сохранить восточную границу 1914 г., может быть, с центральным польским государством. Было немало и таких, кто вместе с тем испытывал чувство отвращения, направленного как против гнусных преступлений СС в Польше, так и против, как они полагали, авантюрного пробольшевистского курса Гитлера. И лишь в своем выступлении 23 ноября 1939 г. перед главнокомандующими Гитлер заявил, что нападение на Францию и Англию является его «неизменным решением». Тем самым, как записал личный адъютант Гитлера по Сухопутным войскам в штаб-квартире фюрера, были разрушены «все возможности окончания войны и заключения сепаратного договора с польским правительством», о котором фюрер «неоднократно говорил»⁶⁴. Очевидно, Гитлер до конца ноября 1939 г. был одержим старой идеей сделать Польшу «антирусским окопом», разумеется, на предложенных им условиях. Однако он не принимал никаких усилий найти нового «Пилсудского» – решение, которое уже в Первую мировую войну оказалось не очень-то успешным для германской стороны. С точки зрения руководства Сухопутных войск, именно такое решение на Востоке в ноябре 1939 г. явилось бы более перспективным, чем наступление на Западе. Стремясь уговорить Гитлера отказаться от своего намерения, руководство Сухопутных войск даже не страшилось чрезмерно преувеличенных сообщений о плохом состоянии германских войск⁶⁵. Износ в частности моторизованных войск был, без сомнения, велик, и в ходе боев в Польше вскрылись существенные недочеты в боевой подготовке. Но эти недостатки были особо подчеркнуты руководством Сухопутных войск, прежде всего потому, что оно сомневалось в том, что вермахт в таком его состоянии сможет атаковать французскую армию. Негативная оценка Красной армии как потенциального противника, наоборот, открывала совсем иные возможности. И если Гитлер в октябре 1939 г. считал возможным в течение 4 недель подготовить и начать западное наступление, то насколько легче оказалась бы реализация восточной кампании? Иначе говоря, нельзя утверждать, что для вермахта эта задача была не по плечу в 1939 г., поскольку выбор всецело оставался за Гитлером: предпочесть наступление на Западе, как более сложную цель, или же принять совершенно иное решение.

В случае, если бы западные державы после «мирной речи» Гитлера, произнесенной 6 октября 1939 г., были готовы к переговорам, то явно возникла бы возможность повторного поворота на Восток. Уже на совещании с Гальдером 27 сентября 1939 г. Гитлер дал понять, имея в виду СССР, что он не рассматривает подписанные договоры как нечто обязательное. Приказы по подготовке оккупированных польских областей для возможного «Ауфбау Ост» («Сосредоточения на Восток») Сухопутных войск⁶⁶ показывают общую модель войны, которая соответствовала первоначально запланированным на сентябрь 1939 г. «маршевым и боевым маневрам моторизованных соединений». Из лишь слабо укрепленной оборонительной линии, в чью задачу входило преградить путь наступающему противнику, Гудериан за счет быстрого подтягивания моторизованных соединений планировал нанести ответный удар по флангу врага с целью его уничтоже-

ния. В составленных и детально разработанных в июне 1939 г. плановых документах⁶⁷ не содержалось никакой абсолютно новой оперативной мысли. Эти планы заставляют вспомнить сражение под Танненбергом в 1914 г. и победу Пилсудского под Варшавой в 1920 г. Их опыт без всяких затруднений мог бы быть воплощен в будущих сражениях на Западном фронте. Во всяком случае подобными категориями мыслил Манштейн в октябре 1939 г., развивая идею о том, как соблазнить западные державы для нанесения удара, чтобы затем с ходу перейти в контрнаступление и разбить их.

На оккупированной польской территории осенью 1939 г. вермахт начал возводить оборонительную линию на Висле и Сане. После переброски почти всех боеспособных соединений на Западный фронт в Польше осталось лишь слабое прикрытие в виде 10 резервных дивизий, призванных заглушить опасения руководства Сухопутных войск, что Сталин воспользуется затруднениями вермахта на Западе и сам решится на первый удар. Начальник Генерального штаба Главнокомандующего на Востоке генерал-майор К.А. Холлидт с ноября 1939 г. по поручению Гальдера проводил исследование о возможном характере потенциального советского удара⁶⁸. Он исходил из того, что Красная армия решится на удар против Германии только в том случае, если вермахт будет тяжело надломлен на других фронтах. Для этой цели в ее распоряжении находятся примерно 80 дивизий. Ввиду недостаточной оперативной подготовки Красная армия будет способна лишь на простую операцию с 2 стратегическими группировками, а именно: в направлении Варшавы и Восточной Пруссии. В свете негативной оценки способностей Красной армии, которая, как кажется, подтвердилась на рубеже 1939–1940 гг. в финской «Зимней войне», Холлидт работал над своим исследованием. У главнокомандующего на Востоке не оставалось ни тени сомнения в том, что в крайнем случае этой опасности, большей частью теоретической, можно будет противостоять.

То, что подобная оценка оперативной обстановки была совместима с планом маневров Гудериана летом 1939 г., подтвердилось спустя 5 месяцев. После победы над Францией Генеральный штаб приступил к переброске сил на Восток с целью обеспечения наступательной обороны против Красной армии. В июне 1940 г. Гальдер вновь вспомнил о старой идее создать «ударную силу на Востоке» для стратегической охраны восточной границы или же для подготовки наступательных действий против Советского Союза. Вначале казалось, что для этого будет достаточно 17 дивизий, ядро которых образует «группа Гудериана». В краткосрочном плане предполагался обмен ударами с Красной армией на польско-белорусском пространстве – «малое» решение, которое должно было привести к оккупации чужих территорий и сделать вермахт владельцем «залогов», чтобы «после достигнутых успехов прийти к быстрому заключению мирного договора на Востоке»⁶⁹. Опираясь на линию Вислы, операция могла бы проводиться в направлении Прибалтики и/или Украины в соответствии с военнополитическими соображениями, которых придерживались до 1939 г. Но когда Сталин 14 июня 1940 г., согласно договоренностям, принятым в августе–сентябре 1939 г., начал оккупировать Балтийские государства, Северную Буковину и Бессарабию, тем самым существенно расширяя свое стратегическое предполье, это перечеркнуло традиционный подход германского Генерального штаба.

Теперь уже Гитлер вновь вперил «свой взор на Восток», исходя из того, что Англия «мы должны будем, вероятно, еще раз продемонстрировать нашу военную силу, прежде чем она прекратит сопротивление и развяжет нам руки на Востоке»⁷⁰. Эту запись Гальдера от 30 июня 1940 г. вполне можно было бы датировать и 1939 г., когда нападение на Польшу явилось первой предпринятой «демонстрацией» подобного рода. При этом главная цель в 1939 г. была та же, что и в 1940-м: военное сокрушение СССР.

Начав 22 июля 1940 г. разработку плана нападения на СССР Гитлер и его генералы способствовали развитию «большого» решения⁷¹, которое в итоге охватило всю западную часть СССР от Северного мыса до Черного моря и Кавказа. Это решение не было неожиданным и не было вызвано ситуацией, сложившейся только в 1940 г., оно витало в воздухе уже в 1939 г.

Примечания*

¹ См., например: *Bogdan Musial*, Kampfplatz Deutschland. Stalins Kriegspläne gegen den Westen. Berlin, 2008.

² См. ссылки: Christian Hartmann/Sergej Slutsch, Franz Haider und die Kriegsvorbereitungen im Frühjahr 1939, в: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 45 (1997), S. 467.

³ *Ivan Kershaw*, Hitler. 1936–1945. Stuttgart, 2000. S. 330.

⁴ Lagebericht des Generalstabs des Heeres/Operationsabteilung vom 7. 9. 1939, BA-MA, RH 2/724.

⁵ *Marek Kornat*, Polityka równowagi 1934–1939. Polska między Wschodem a Zachodem. Kraków, 2007.

⁶ О польско-японских отношениях сравнительно больших трудов нет. Рекомендую обратиться к работе: *Gerhard Krebs*, Japanische Schlichtungsbemühungen in der deutsch-polnischen Krise 1938/39, в: Japanstudien, Jahrbuch des Deutschen Instituts für Japanstudien, Bd. 2. München, 1991. S. 207–258.

⁷ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs 1934/35 und 1939/40. Hrsg. Hans-Günter Seraphim. München, 1964. S. 36 (запись от 29.5.1934).

⁸ Denkschrift vom 12. Mai 1934, напеч. в Tagebuch Rosenbergs. S. 166.

⁹ Капитан Ямаваки, в 1919 г. японский военный наблюдатель в Польше, в 1934–1935 гг. военный атташе в Варшаве, см.: *Krebs*. S. 208.

¹⁰ Tagebuch Alfred Rosenbergs. S. 68 (запись от 2.2.1935).

¹¹ Politischer Bericht aus Warschau vom 1. Februar 1935: Besuch des Ministerpräsident Göring in Warschau, в Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes (zit. ADAP) C. III. S. 474.

¹² См.: *Marian Wojciechowski*, Die deutsch-polnischen Beziehungen 1933–38. Leiden, 1971. S. 264.

¹³ *Klaus-Jürgen Müller*, Generaloberst Ludwig Beck. Paderborn, 2008. S. 232.

¹⁴ Речь Гитлера на ежегодном заседании Германского Трудового Фронта 12.9.1936, цит. по: *Max Domarus*, Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Bd. 2. München, 1965. S. 642. См. также: *Manfred Weißbecker*, «Wenn hier Deutsche wohnten...» Beharrung und Veränderung im Rußlandbild Hitlers und der NSDAP, в: Hans-Erich Volkmann (Hg.), Das Rußlandbild im Dritten Reich. Köln, 1994. S. 9–54.

¹⁵ *Winston S. Churchill*, Der zweite Weltkrieg. Bd. 1. Stuttgart, 1954. S. 276.

¹⁶ По поводу спекулятивных рассуждений вокруг тайного японо-польского пакта см.: *Rolf Ahmann*, Nichtangriffspakte: Entwicklung und operative Nutzung in Europa 1922–1939. Baden-Baden, 1988. S. 195–203.

¹⁷ Tagebuch Rosenbergs. S. 41 (запись от 11.6.1934).

¹⁸ *Patrik von zur Mühlen*, Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Düsseldorf, 1971. S. 37.

¹⁹ См.: *Frank Grelka*, Die ukrainische Nationalbewegung unter deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/42. Wiesbaden, 2005.

²⁰ Запись о беседе между американским послом во Франции, Уильямом С. Буллитом и имперским министром иностранных дел фон Нейратом, 18 мая в Берлине, касательно общей европейской обстановки и планов Гитлера // Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof (цит. IMT). Nürnberg, 1949. Bd. 37. Dok. 150-L. S. 588–592.

²¹ Протокольная запись совещания высших офицеров Люфтваффе под председательством Геринга 2 декабря 1936, Dok. 3474-PS, IMT, Bd. 32. S. 335.

²² Доклад Гимmlера на национал-политических курсах вермахта в январе 1937, Dok. 1992(A)-PS, IMT, Bd. 29. S. 234.

²³ Переписка между Шахтом и министром иностранных дел фон Нейратом, напечатана в: Stalin und Hitler. Pakt gegen Europa. Hrsg. Johann Wolfgang Brügel. Wien, 1973. Nr. 7 u. 8. S. 39–41.

²⁴ Inspekteur der Nachrichtentruppen an Chef des Generalstabs des Heeres betr. Sondereinsatz Estland vom 21.5.1937. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg, (zit. BA-MA), RH 2/3007.

²⁵ См.: Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente. Hrsg. Hans Ehlert, Michael Epkenhans und Gerhard P. Groß. Paderborn, 2006.

²⁶ Относительно польской позиции и военных приготовлений против Чехословакии см.: *Marian Zgorniak*, Europa am Abgrund 1938. Berlin, 2002, и *Marek Piotr Deszczyński*, Obstatni Egzamin. Warschau, 2003.

* Примечания даны в авторской редакции.

- ²⁷ *Oscar Reile*, *Geheime Front. Die deutsche Abwehr im Osten 1921–1945*. München; Wels, 1963. S. 254.
- ²⁸ *Gerhard Krebs*, *Japans Deutschlandpolitik 1935–1941*. 2 Bde. Hamburg, 1984.
- ²⁹ *Galeazzo Ciano*, *Tagebücher 1937/38*. Hamburg, 1949. S. 40.
- ³⁰ *Krebs*, *Japanische Schlichtungsbemühungen*. S. 215.
- ³¹ Аффидавит от 28 августа 1945 г., Док. 1759-PS, IMT Bd. 28. S. 238 f.
- ³² *Reile*, *Gheime Ostfront*. S. 245.
- ³³ Записи Бека в: *Weißbuch der polnischen Regierung, Die polnisch-deutschen und die polnisch-sowjetischen Beziehungen im Zeitraum von 1933 bis 1939*. Basel, 1940. Nr. 48; Запись немецкого переводчика Шмидта, ADAP, Serie V. Nr. 119. Запись Риббентропа от 9.1.1939, там же, Nr. 120.
- ³⁴ Запись Риббентропа от 1.2.1939, ADAP, V, Nr. 126.
- ³⁵ *Krebs*, *Japanische Schlichtungsbemühungen*. S. 222.
- ³⁶ *Weißbuch der Polnischen Regierung*. Basel, 1940. Dok. Nr. 61.
- ³⁷ Цит. по: *Johannes Kalisch*, *Von der «Globallösung» zum «Fall Weiß»* // Dietrich Eichholtz/Kurt Pätzold (Hrsg.), *Der Weg in den Krieg*. Berlin, 1989. S. 395.
- ³⁸ *Günter Wollstein*, *Hitlers gescheitertes Projekt einer Juniorpartnerschaft Polens* // *Universitas* 38(1983). S. 525–532.
- ³⁹ Generaloberst Haider. *Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942*. Bd 2. Stuttgart, 1963. S. 38–39 (Запись от 22.7.1940).
- ⁴⁰ *Hartmann*, Haider. S. 128.
- ⁴¹ Тогдашний полковник Генерального штаба Э. Рерихт рассказывает в своих мемуарах буквально в двух строчках об этой ознакомительной поездке (*Pflicht und Gewissen*. Stuttgart, 1965. S. 143).
- ⁴² *Kriegsspiel A*, im März 1938, BA-MA, RM 20/1095.
- ⁴³ *Schlussbesprechung*, RM 20/1100.
- ⁴⁴ Начальник штаба руководства войной на море адмирал Гюнтер Гузе руководил вопреки этому убеждению между сентябрем 1940 г. и январем 1943 г. как командующий морским командованием на Балтике подготовкой и проведением морской войны против СССР.
- ⁴⁵ *Schlussbesprechung des operativen Kriegsspieles der Station O 1938*, BA-MA, RM 20/1112. S. 88.
- ⁴⁶ *Planstudie 1939*, BA-MA, RM 20/1133.
- ⁴⁷ *ObdH/GenStdH*, an *Heeresgruppenkommando 1*, vom 30.1.1939, BA-MA, RH 2/830.
- ⁴⁸ *Domaruns*, Hitler, Bd. 2. S. 1201.
- ⁴⁹ К соответствующим высказываниям Гитлера 8.3.1939 г. во время предполагаемого выступления перед офицерами, представителями промышленности и партийными деятелями надо подходить с осторожностью. Речь идет о записи, переданной в сентябре 1939 г. американскому послу в Париже (*Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 1. Stuttgart, 1979. S. 669).
- ⁵⁰ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 98 f.
- ⁵¹ *Bericht über die Heeresgeneralstabsreise 1939*, vom 17.5.1939, BA-MA, RL 7/158.
- ⁵² BA-MA, RH 10/1. см. Torsten Diedrich, Paulus. *Das Trauma von Stalingrad. Eine Biographie*. Paderborn, 2008. S. 131.
- ⁵³ *Heeresgruppenkommando 3*, Weisungen für den ersten Einsatz, vom 4.2.1939, BA-MA, RH 24-14/3.
- ⁵⁴ *OKH/GenStdH*, 12. Abt. (III), vom 25.6.1939, BA-MA, RH 2/2324.
- ⁵⁵ Напечатано в: *Rolf Elble*, *Die Schlacht an der Bzura im September 1939 aus deutscher und polnischer Sicht*. Freiburg, 1975. S. 236 f.
- ⁵⁶ См.: *Klaus Mayer*, *Eine authentische Halder-Ansprache? Textkritische Anmerkungen zu einem Dokumentenfund im früheren Moskauer Sonderarchiv (Dokumentation) в Militärgeschichtliche Mitteilungen* 58 (1999). S. 471–528.
- ⁵⁷ *Hartmann/Slutsch*. S. 495.
- ⁵⁸ *Tagebuch Rosenberg*, Eintrag vom 22.8.1939. S. 90.
- ⁵⁹ *Winfried Baumgart*, *Zur Ansprache Hitlers vor den Führern der Wehrmacht am 22. August 1939, in: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 16(1968). S. 148.
- ⁶⁰ «*Betrachtungen über Rußland*» vom 28.7.1940, см. *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 4. S. 320.
- ⁶¹ См. подробно *Baumgart*, *Ansprache*. S. 120–149.
- ⁶² ADAP. D VII. Dok. 193. S. 172, цитируется по сомнительному британскому документу.
- ⁶³ *Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945*. Hrsg. Walther Hubatsch. München, 1965. S. 32.

- ⁶⁴ Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Aufzeichnungen des Majors Engel. Stuttgart, 1974. S. 69.
- ⁶⁵ Heeresadjutant. S. 66–68.
- ⁶⁶ BA-MA, RH 2/390, siehe Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 192.
- ⁶⁷ Bestimmungen für die Marsch- und Gefechtsübung motorisierter Verbände 1939. Berlin, 1939. BA-MA, RH 10/1.
- ⁶⁸ Studie vom 11.1.1940, BA-MA, RH2/390, Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 194.
- ⁶⁹ Nachkriegsstudie Heusinger/Heinrici, Feldzug in Rußland, цит. в: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 206.
- ⁷⁰ Halder KTB, Bd. I. 375 (30.6.1940).
- ⁷¹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 212–214.

© 2011 г. В.Н. ЗЕМСКОВ*

«СТАТИСТИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ» ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И МАСШТАБЫ ИХ СМЕРТНОСТИ

Различным аспектам истории Великой Отечественной войны посвящена обширнейшая литература, и тем не менее есть вопросы, по которым далеко не все ясно. К таковым относится и поднятая мною проблема. Имеются публикации, непосредственно посвященные истории советских военнопленных¹, но вопрос об их общей численности и масштабах смертности остается открытым. На этот счет в научной литературе и публицистике до сих пор бытуют самые разнообразные оценки. Я не претендую на изучение проблемы плена в широком смысле и остановлюсь только на статистике. Разобраться в этом, на мой взгляд, следует посредством максимального приближения к показаниям (подчас спорным и противоречивым) известных к настоящему времени исторической науке документальных источников. Интуитивные оценки в расчет не брались, а использовались только величины (цифры), которые подкреплены ссылками на документы.

Численность советских военнопленных была известна по немецким источникам еще с конца 1950-х гг. — с начала войны до 1 февраля 1945 г. в немецкий плен попало более 5.7 млн (5 754 тыс. человек)². Эту информацию выявил в немецких архивах американский историк А. Даллин и опубликовал в своей монографии «Германское правление в России. 1941–1945», вышедшей в 1957 г. на английском языке, а в 1958 г. — на немецком. В СССР Даллин был немедленно причислен к «буржуазным фальсификаторам», и введенная им в научный оборот статистика (документально подтвержденная) не использовалась в научных трудах вплоть до конца советской эпохи (часто и в постсоветское время). В зарубежной же историографии, наоборот, эта статистика по сей день котируется как наиболее достоверная. Часто исследователи указывают более низкую численность военнопленных: от 4 до 5.2 млн человек. Однако в данной ситуации корректировка возможна только в сторону увеличения, исходя из предположения, что в немецкой статистике имелся какой-то недоучет. Корректировка же в

* Земсков Виктор Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.